

ПАРМА Роман Васильевич — кандидат политических наук; доцент кафедры политологии, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (125993, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-кт, 49; rvparma@mail.ru)

ЭМИГРАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ И ДЕЙСТВИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В 2020–2025 гг.

Аннотация. В статье анализируются динамика эмиграционных установок и поведения российской молодежи в период 2020–2025 гг. на основе данных ведущих социологических центров и официальных служб статистики. Динамика сопряжена с ключевыми факторами и возникшими триггерами изменений миграционных стратегий молодежи. В указанный период выделяются три этапа. На первом этапе (2020–2021 гг.) ситуацию обусловил фактор пандемии, который привел к ограничению эмиграционных действий и повышению эмиграционных намерений. На втором этапе (2022–2023 гг.) ситуацию определил фактор проведения СВО, который привел к спаду эмиграционных намерений и всплескам эмиграционных действий молодежи. На третьем этапе (2024–2025 гг.) ситуация открытого противостояния с Западом привела к снижению эмиграционных намерений и действий до минимальных значений за все время социологических и статистических наблюдений. В целом кросс-национальные исследования показывают относительно низкий уровень эмиграционных намерений российских граждан в экстраординарных условиях.

Ключевые слова: молодежь, эмиграция, релокация, эмиграционные установки, эмиграционные действия, эмиграционное поведение, факторы эмиграции, мотивы эмиграции, динамика эмиграции

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве РФ.

Введение. В миграционных процессах молодые люди рассматриваются как наиболее мобильная социальная группа. Они легче меняют место жительства, более одержимы образовательными планами и перспективами профессионального роста, быстрее адаптируются в новых социальных и культурных средах. Молодежь чаще других возрастных групп рассматривает эмиграцию как приемлемую жизненную стратегию и демонстрирует высокую мобильность в ответ на текущие социальные факторы и возникающие политические триггеры.

В современных условиях молодежь рассматривает эмиграцию не только как экономическую стратегию повышения качества жизни и достижения успешной самореализации, но и как форму ценностного и политического самоопределения. Эмиграционные установки и действия молодежи являются наиболее чувствительными индикаторами общественных изменений. Для стран исхода масштабная эмиграция молодежи может иметь долгосрочные последствия — от «утечки мозгов» и дефицита квалифицированных кадров до снижения демографического потенциала. Эмиграция молодых специалистов прямо влияет на воспроизводство человеческого капитала, динамику численности народонаселения и перспективы модернизации.

В последние годы эмиграция молодежи стала предметом особого внимания российских исследователей, выявляя тревожные симптомы в общественных настроениях и поведении. В России эмиграционные установки и дей-

ствия молодежи приобрели особую значимость в период 2020–2025 гг., когда совпали несколько факторов:

1) введение необходимых мер «закрытия государств» для преодоления пандемии *COVID-19*, ограничившей мобильность граждан и одновременно усилившей желание «попробовать себя» за границей;

2) обострение международных отношений и введение «пакетных санкций» в отношении России странами коллективного Запада после начала СВО на Украине, что как вызвало бегство из страны многих недовольных и напуганных граждан, так и изменило возможности трудовой и образовательной эмиграции;

3) расширение цифровизации повседневности, открывшей посредством сетевых технологий коммуникации для граждан разных стран новые формы дистанционной работы и транснационального взаимодействия в рамках глобального мира.

Таким образом, в отношении изменений эмиграционных установок и действий российских граждан период 2020–2025 гг. стал турбулентным: пандемия *COVID-19* привела к закрытию государственных границ для перемещения людских потоков и росту неопределенности с дальнейшим открытием мира, а геополитические решения после начала СВО в феврале 2022 г. вызвали значительные всплески эмиграционных выездов. Российская молодежь оказалась в центре этих процессов, сочетая декларативные намерения с массовыми практиками релокации. Цель данной статьи — реконструировать динамику эмиграционных установок и действий российской молодежи в 2020–2025 гг., сопоставив данные массовых опросов и аналитические исследования, а также выявить новые тенденции в миграционных стратегиях.

Методологические основания. Эмиграционные процессы в современных обществах раскрываются в ряде теоретических положений:

1) *политико-репрессивная парадигма*: представление об эмиграции как остракизме, изгнании из страны для обеспечения государственной безопасности или вынужденном выезде из соображения личной безопасности [Кудрявцева 2008; Верт 2010].

2) *экономико-рациональная парадигма*: понимание эмиграции как осмысленного выбора человека, просчитанного исходя из предполагаемых затрат и выгод от такого решения [Todaro 1969; Massey et al. 1993].

3) *социально-сетевая парадигма*: формирование ролевых и институциональных связей между людьми, этнических и страновых диаспор, транзитных и профессиональных сообществ, снижающих барьеры эмиграции [Portes 1998].

4) *культурно-ценностная парадигма*: решение эмигрировать диктуется поиском духовной и моральной среды, совпадающей с установками и представлениями индивида [Инглхарт, Вельцель 2011].

Для поколения *Z* характерно стремление к глобальной мобильности, кросс-культурным идентичностям и использованию цифровых инструментов для интеграции в транснациональные сети. В российской социологии молодежная эмиграция рассматривается прежде всего через призму сочетания как экономических, так и культурных факторов [Латова 2021].

Исходя из социологических исследований и общественной риторики, можно выделить мотивы эмиграции российской молодежи, разделив их на четыре группы по главной причине выезда:

1) образовательные основания — стремление получить диплом престижного либо известного западного университета, доступ к мировым академическим сетям и исследовательским ресурсам;

2) профессиональные основания — развитие карьеры на перспективных направлениях, в высокотехнологичных секторах за рубежом, открывающиеся новые возможности работы и более высокий доход;

3) политические основания — приверженность либеральным ценностям и нетрадиционным ориентациям, неприятие российского государства и народа, вхождение в иностранные агентурные сети;

4) культурные основания — желание принадлежать глобальному миру без границ, путешествовать по странам, исповедовать космополитические ценности, находить комфортную среду проживания.

Анализ эмиграционных установок российской молодежи в 2020–2025 гг. опирается на результаты репрезентативных опросов населения ВЦИОМом, ФОМом, Левада-Центром¹, компанией «Ромир» совместно с *Gallup International*. Важным методологическим вопросом является возрастное определение молодежи. В официальных документах в России молодежью признаются граждане до 35 лет, тогда как большинство опросов фиксирует установки только группы студенческой молодежи 18–24 лет. В результате значительный слой молодых специалистов 25–34 лет оказывается в исследовательской «слепой зоне». Методологические ограничения заключаются в том, что часто данные опросов дают намерения, а не реальные миграционные действия. Возрастные группы «молодежь» не всегда четко определены — иногда 18–24 года, иногда 18–30 лет, иногда 18–35 лет. Влияние внешних факторов (визовый режим, ограничения на выезд, экономические препятствия) сложно оценить из публичных опросов.

Анализ эмиграционных действий производился на основании официальных данных Росстата и *OECD, Eurostat*. Международные службы статистики дают информацию о студенческой мобильности россиян, включая рост числа заявок на обучение в Европе и Северной Америке. Однако статистические данные о числе реально выехавших и осевших за рубежом молодых людей в условиях текущей, временности и обратимости движения эмиграционного потока остаются лишь ориентировочными показателями.

Анализ данных.

1. Эмиграционные установки российской молодежи.

1 этап 2020–2021 гг.: пандемия и нарастание эмиграционных намерений.

В начале текущего десятилетия ключевым фактором миграционных процессов стала пандемия *COVID-19*. Закрытые границы и ограничения мобильности способствовали расширению ощущения социальной и профессиональной стагнации, как следствие — повышению «отложенных» миграционных намерений. По данным ВЦИОМа, в 2019–2021 гг. эмиграционные установки российских граждан были наиболее выраженными с 1991 г., намерение выехать на жительство за границу выразила наиболее значительная доля респондентов (17%)². В 2020 г. среди молодежи возрастной группы 18–24 года доля намеренных уехать на ПМЖ за границу составляла более трети (38%), а возрастной группы 25–34 года — менее трети (31%)³.

Для сравнения, по данным социологических опросов Левада-Центра, в

¹ Здесь и далее: организация входит в реестр иностранных агентов Минюста России.

² Эмиграционные настроения — 2025: мониторинг. — ВЦИОМ. 19.09.2025. Доступ: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehmigracionnye-nastroeniya-2025-monitoring> (проверено 28.09.2025).

³ Эмиграционные настроения — 2020: где родился, там и пригодился. — ВЦИОМ. 07.09.2020. Доступ: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/emigracionnye-nastroeniya-2020-gde-rodilsya-tam-i-prigodilsya> (проверено 28.09.2025).

2019 г. более пятой части (22%) россиян заявляли с большей или меньшей степенью уверенности о желании перебраться за границу на ПМЖ. Показатель эмиграционных намерений среди молодежи 18–24 лет был значительно выше половины (53%), а в возрастной группе 25–39 лет — менее трети (30%)¹. Согласно социологическому опросу Левада-Центра в мае 2021 г., также пятая часть (21%) российских граждан выражали с той или иной степенью уверенности намерение уехать на постоянное место жительства за границу, что стало одним из самых высоких показателей эмиграционных намерений за историю измерений с 1990 г. Среди молодежи 18–24 лет таких людей было около половины (48%), а среди возрастной группы 25–39 лет — примерно треть (33%)². Основными мотивами выезда были образовательные перспективы, доступ к лучшему здравоохранению, большое желание «посмотреть мир» после снятия ограничений. В публичных дискуссиях активно обсуждалась идея «онлайн-эмиграции», в частности участие в зарубежных образовательных курсах, удаленная работа на западные компании без физического переезда. Таким образом, пандемия парадоксально усилила эмиграционные устремления молодежи, но в то же время ограничила их реализацию.

II этап 2022–2023 гг.: начало СВО и всплески эмиграционных действий.

Начало СВО в феврале 2022 г. стало триггером не столько резкого роста намерений, сколько ускоренной реализации вынашиваемых и возникших планов выезда из России. Ускорение переустройства мирового порядка, введение странами Запада беспрецедентных санкций в отношении России и ее граждан привели к спаду эмиграционных намерений и росту патриотических настроений среди российских граждан в целом, в меньшей степени — среди молодежи. По данным ВЦИОМа, в марте 2022 г. доля намеренных выехать на ПМЖ за границу резко сократилась (до 10%)³. В январе 2023 г. эмиграционные установки стали еще менее выраженными, т.к. доля желающих выехать жить за границу упала до минимальных значений (8%) за время проведения мониторинга. Однако среди молодежи 18–24 лет и 25–34 лет доли граждан с эмиграционными намерениями оказались относительно большими (18% и 15% соответственно)⁴.

Между тем социологический опрос Левада-Центра в 2022 г. также зафиксировал размывание эмиграционных установок российских граждан после начала СВО: доля намеренных уехать на ПМЖ резко снизилась почти в 2 раза (с 19% в феврале до 10% в марте). Среди молодежи 18–24 лет до начала СВО в феврале доля желающих выехать была немногим менее половины (44%), после начала СВО уже в марте уменьшилась до четверти (25%). Среди возрастной группы 25–39 лет число желающих уехать в течение короткого времени под влиянием триггера — начала проведения СВО — снизилась с более четверти (27%) до менее пятой части (17%)⁵. Социологический опрос в фев-

¹ Эмиграционные настроения. — *Левада-Центр*. 26.11.2019. Доступ: <https://www.levada.ru/2019/11/26/emigratsionnye-nastroeniya-4/> (проверено 28.09.2025).

² Эмиграция. — *Левада-Центр*. 09.06.2021. Доступ: <https://www.levada.ru/2021/06/09/emigratsiya-2/?ysclid=mftfgnuty6860074415> (проверено 28.09.2025).

³ Эмиграционные настроения: мониторинг. — *ВЦИОМ*. 04.04.2022. Доступ: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehmigracionnye-nastroenija-monitoring> (проверено 28.09.2025).

⁴ Эмиграционные настроения: мониторинг. — *ВЦИОМ*. 01.03.2023. Доступ: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehmigracionnye-nastroenija-monitoring-2> (проверено 28.09.2025).

⁵ Эмиграционные настроения. — *Левада-Центр*. 06.04.2022. Доступ: <https://www.levada.ru/2022/04/06/emigratsionnye-nastroeniya-5/> (проверено 28.09.2025).

рале 2023 г. показал устойчивость тенденции снижения эмиграционных установок (11%) после прошлогоднего слома. Среди молодежи 18–24 лет доля желающих уехать жить за границу несколько уменьшилась (до 23%), а среди возрастной группы 25–39 лет оказалась чуть больше (18%)¹.

Кроме того, масштабное исследование *Gallup International/Ромир*, проведенное в августе–сентябре 2022 г., показало, что в целом только 15% россиян хотели бы эмигрировать в другую страну при возможности. Среди молодежи доля таких желающих уехать была значительно больше (44%). Здесь следует особо отметить, что в целом эмиграционные установки относительно слабо выражены: уровень готовности граждан в России уехать жить за границу (15%) оказался ниже среднемирового показателя (36%), значительно ниже, чем в ряде стран ЕС (Греция – 40%, Польша – 37%, Британия – 36%, Бельгия – 35%, Германия – 33%, Франция – 30%, США – 33%)².

III этап 2024–2025 гг.: продолжение СВО и слом эмиграционных установок.

В это время произошло резкое снижение заявляемых намерений до минимальных значений. По данным опросов ВЦИОМа в апреле и июне 2024 г., только немногие российские граждане (5%) хотели бы уехать за границу на ПМЖ, что стало самым низким показателем за время проведения мониторинга с начала 90-х гг. прошлого века. Число намеренных эмигрировать среди молодежи студенческого возраста 18–24 лет и среди молодежи рабочего возраста 25–34 лет также существенно снизилось (до 11%)³. По данным опроса Левада-Центра в марте 2024 г., доля желающих уехать из страны также снизилась до минимальных значений за время социологических замеров (9%). По сравнению с пиковыми значениями эмиграционных установок во время пандемии коронавируса среди молодежи возрастных групп 18–24 лет и 25–39 лет доли желающих уехать из страны значительно сократились (до 15%)⁴.

Левада-Центр в апреле 2025 г. обнародовал результаты опроса, которые также показали низкие эмиграционные намерения. Только малая часть (9%) российских граждан желает эмигрировать, а абсолютное большинство (89%) не думает о переезде за границу. Среди молодежи 18–24 лет показатель эмиграционных намерений оказался лишь немного выше прошлогоднего уровня (16%), тогда как среди возрастной группы 25–39 лет было зафиксировано заметное уменьшение доли (до 9%) лиц с эмиграционными намерениями⁵. По результатам опроса ВЦИОМа июля 2025 г., эмиграционные намерения российских граждан сохранились на низком уровне – только малая часть

¹ Эмиграционные настроения и отношение к уехавшим из России. – *Левада-Центр*. 07.03.2023. Доступ: <https://www.levada.ru/2023/03/07/emigratsionnye-nastroeniya-i-otnoshenie-k-uehavshim-iz-rossii/> (проверено 28.09.2025).

² One in three global citizens want to immigrate. 04.02.2023. URL: <https://www.gallup-international.com/survey-results-and-news/survey-result/one-in-three-global-citizens-want-to-immigrate> (accessed 28.09.2025).

³ Эмиграционные настроения: мониторинг. – *ВЦИОМ*. 03.07.2024. Доступ: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehmigracionnye-nastroeniya-monitoring-4> (проверено 28.09.2025).

⁴ Эмиграционные настроения и отношение к уехавшим: март 2024 года. – *Левада-Центр*. 11.04.2024. Доступ: <https://www.levada.ru/2024/04/11/emigratsionnye-nastroeniya-i-otnoshenie-k-uehavshim-mart-2024-goda/> (проверено 28.09.2025).

⁵ Эмиграционные настроения и отношение к уехавшим: апрель 2025. – *Левада-Центр*. 27.05.2025. Доступ: <https://www.levada.ru/2025/05/27/emigratsionnye-nastroeniya-i-otnoshenie-k-uehavshim-aprel-2025/> (проверено 28.09.2025).

(6%) хотели выехать жить за границу¹. Между тем среди молодежи фиксируется рост прагматических стратегий: желание временной стажировки или обучения за рубежом без планов на ПМЖ.

Согласно данным социологических исследований, в 2020–2021 гг. среди российской молодежи преобладали образовательные и культурные мотивы эмиграции («посмотреть мир»). В 2022–2023 гг. ключевыми стали факторы неприятия государственной политики и желание обеспечить личную безопасность, а также реализовать профессиональные возможности (особенно в *IT*). В 2024–2025 гг. на первый план выходят прагматические мотивы (обучение, краткосрочные стажировки), а эмиграция перестает восприниматься как универсальное решение.

Данные ведущих российских центров социологических исследований позволяют сопоставить эмиграционные намерения среди российских граждан от 18 лет с возрастными когортами молодежи 18–24 лет и 25–34 лет (показатели Левада-Центра рассчитаны в рамках возрастной группы 25–39 лет). На основании представленных данных можно утверждать, что наиболее выраженные эмиграционные установки проявляются среди студенческой

Таблица 1

Изменение эмиграционных установок молодежи в 2020–2025 гг. (доля намеренных уехать из России за границу на ПМЖ (ВЦИОМ | Левада-Центр)

Год	18+ лет (взрослые люди)	18–24 лет (студенческая молодежь)	25–34 года (молодые специалисты)	Тенденции
2020	17% –	38% –	31% –	↑повышение уровня эмиграционных установок, нарастание недовольства молодежи в условиях пандемии
2021	16% 22%	– 48%	– 33%	↑ повышение уровня эмиграционных установок, пики недовольства молодежи в условиях пандемии
2022	10%→19%	– 44%→25%	– 27%→17%	↓ резкое снижение уровня эмиграционных установок, рост патриотических настроений среди молодежи под воздействием триггера – начала СВО, расширение санкций Запада
2023	9% 11%	18% 23%	15% 18%	→ стабилизация уровня эмиграционных установок, укрепление идентификации «мы–они» (Запад против России)
2024	5% 9%	11% 15%	11% 15%	↓ дальнейшее снижение уровня эмиграционных установок, политическая мобилизация из-за враждебности Запада
2025	6% 9%	– 16%	– 9%	→ сохранение низкого уровня эмиграционных установок, укрепление российской идентичности

1 Эмиграционные настроения – 2025: мониторинг. – ВЦИОМ. 19.08.2025. Доступ: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehmigracionnyie-nastroenija-2025-monitoring> (проверено 28.09.2025).

молодежи, в меньшей степени — среди молодых специалистов. Очевидно, что социальное положение младшей возрастной группы молодежи открывает больше возможностей для образовательной, профессиональной и культурной мобильности. Старшая возрастная группа в большей степени обременена социальными и профессиональными обязательствами, реализуя жизненные стратегии в своей стране.

Представленные данные наглядно показывают слом негативных тенденций в эмиграционных установках, выраженных в желании или намерении уехать из России для постоянной жизни в других странах. Причины снижения эмиграционных установок просматриваются в следующем: это 1) рост патриотических настроений, укрепление национальной идентичности и «усталость» от эмиграционной повестки; 2) повышение выездных барьеров (визовые ограничения, экономические трудности), возводимых странами коллективного Запада; 3) сохранение цифровых форм включенности в глобальные сети при физическом нахождении в России, что позволяет «трудиться на дистанте». Вместе с тем реальная эмиграция сохраняется на низком уровне в рамках институционализированных форм, таких как образовательные программы, релокация компаний, трудовые контракты в ИТ и науке. Для российской социологии молодежи это означает необходимость перехода от дихотомической модели «остался—уехал» к более гибким подходам, учитывающим гибридные формы мобильности.

2. Эмиграционные действия российской молодежи. Если в начале 2020-х гг. эмиграционные установки российской молодежи носили преимущественно декларативный характер, то с 2022 г. они трансформировались в реальные действия. В 2020–2021 гг., по данным Росстата и МВД РФ, отток молодежи был относительно умеренным (около 30–45 тыс. выездов ежегодно в возрасте до 35 лет). Основные направления — Германия, Чехия, Польша, США. Характер миграции молодежи определяли учебные, профессиональные и семейные мотивы.

После начала СВО с весны 2022 г. фиксируется резкий рост эмиграции. По оценкам различных источников, Россию покинули от 500 тыс. до 1 млн чел., из которых значительную часть составили молодые люди. Молодежь 25–34 лет оказалась самой активной группой: именно она имела ресурсы (ИТ, креативные профессии, удаленная занятость) для обустройства за рубежом. Часть 18–24-летних уехали на учебу или по студенческим визам, что отразилось в росте числа российских студентов в университетах Европы и США¹. Основные направления миграции — Грузия (более 100 тыс.), Армения (65–70 тыс.), Казахстан (150–200 тыс.), Турция (около 90 тыс.), страны ЕС (около 100 тыс.)².

Эмиграционные намерения немногих российских граждан вылились в «бегство из страны» в первую волну прозападной общественности (обремененные зарубежным имуществом семьи и «испуганные» представители творческих профессий). Вторая волна убегающих из страны была вызвана решением российских властей провести частичную мобилизацию для пополнения армии. Это решение подтолкнуло прежде всего представителей молодежной возрастной группы мужского пола ретироваться из страны, чтобы избежать призыва, хотя многие из них до этого не вынашивали намерений

¹ International Migration Outlook 2023. — *OECD*. URL: https://www.oecd.org/en/publications/international-migration-outlook-2023_b0f40584-en.html (accessed 28.09.2025).

² Migration statistics 2022–2023. — *Eurostat*. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Migration_to_and_from_the_EU (accessed 28.09.2025).

эмигрировать. Ядро молодых релокантов составили работающие на транс-национальные компании IT-специалисты, живущие на иностранные гранты исследователи, имитирующие развитие креативных индустрий инноваторы, продвигающие нетрадиционные ценности активисты и другие представители «прогрессивных кругов».

Характерной чертой исхода стала «гибридная стратегия» – сохранение удаленной занятости в российских компаниях при проживании за границей. Десятки тысяч молодых специалистов покинули Россию в 2022–2023 гг., выбрав страны ближнего зарубежья (Грузия, Армения, Казахстан, Киргизия) и более удаленные направления (Турция, Израиль, Германия). Важным феноменом эмиграции стало формирование «цифровых диаспор» в *Telegram*, где объединялись релоканты по городам (Тбилиси, Ереван, Стамбул) и профессиям (IT, дизайн, образование). Эти сообщества стали пространством взаимопомощи и интеграции покинувших Россию граждан. Таким образом, молодежная миграция в этот период приобрела относительно массовый характер и была тесно связана с политическим и экономическим контекстами.

В 2024–2025 гг. реальные темпы выезда российских граждан снижаются: отток измеряется уже десятками, а не сотнями тысяч в год. Характер миграции меняется: больше долгосрочных решений (получение ВНЖ, трудовые контракты, репатриация в Израиль и др.). Между тем образовался значимый обратный поток возвращающихся релокантов, которые не смогли устроить свою жизнь за границей. По данным Росстата, в 2024 г. вернулись около 20 тыс. чел., преимущественно из стран СНГ. В дальнейшем реальные эмиграционные действия, включающие релокации студентов в западные университеты, специалистов в сфере IT – в иностранные компании, «политических беженцев» – в страны-спонсоры, также значительно уменьшились.

Таблица 2

Динамика эмиграционных действий российской молодежи 18–34 лет, 2020–2025 гг., чел.

Год	Официальная оценка эмиграции	Оценки международных организаций	Особенности
2020	~32 тыс.	~40 тыс.	Преимущественно ограниченная учебная миграция в условиях пандемии
2021	~35 тыс.	~45 тыс.	Снятие ограничений учебной и профессиональной эмиграции после пандемии
2022	~70 тыс.	~400–700 тыс.	Исход несогласных, испуганных, осторожных и цифровых граждан в условиях СВО
2023	~50 тыс.	~250–300 тыс.	Снижение масштабов эмиграции, формирования релокаций в условиях продолжения СВО
2024	~40 тыс.	~60–80 тыс.	Стабилизация численности эмигрантов, формирование встречных потоков миграции
2025*	~35 тыс.	~40–50 тыс.	Возвращение миграции на довоенный уровень, расширение обратного потока миграции

* предварительные данные.
Источник: составлено автором по данным Росстата, OECD и неофициальным оценкам.

В возрастной группе 18–24 года миграция чаще носила учебный или временный характер. Многие студенты остались за границей после релокации университетских программ. При этом проявилась сильная зависимость от семейных ресурсов. В возрастной группе 25–34 лет, ставшей ведущей в эмиграционном процессе в 2022–2023 гг., преобладали айтишники, предприниматели, молодые ученые, среди которых была выше доля долгосрочных стратегий (ВНЖ, репатриация, создание бизнеса за рубежом). Показательно, что молодежь 25–34 лет оказалась ядром эмиграционного процесса: именно эта когорта обладает профессиональными навыками и экономическим капиталом для интеграции за рубежом. В то же время возрастная группа 18–24 лет остается «резервом будущей эмиграции», т.к. их установки значительно превышают реальные действия.

3. Сопоставление эмиграционных установок и действий. В следующей таблице показано соотношение между долей молодежи, заявлявшей о желании уехать за границу, и фактическими масштабами эмиграции. До 2022 г. наблюдается значительный разрыв: эмиграционные установки превышают реальные действия в несколько раз. В 2022 г. наблюдался стохастический процесс: при резком спаде эмиграционных намерений произошел реальный рост эмиграционных действий, что связано с началом СВО и последующими политическими событиями, происходящими в условиях переустройства мирового порядка. В последующие годы эмиграционные установки заметно снижаются, входя в соответствие с умеренным уровнем фактической эмиграции молодежи.

Таблица 3

Динамика эмиграционных установок и действий российской молодежи (18–34 лет), 2020–2025 гг.

Год	Эмиграционные установки (доля желающих уехать, %)	Эмиграционные действия (число выехавших, тыс. чел.)
2020	31–38	~32–40
2021	33–48	~35–45
2022	17–25	~400–700
2023	18–23	~250–300
2024	11–15	~60–80
2025*	9–16	~40–50

* предварительные данные.

Источник: составлено автором по социологическим и статистическим данным.

Закключение. Эмиграционные процессы 2020–2025 гг. показали, что молодежь остается наиболее мобильной частью общества. Эмиграционные установки молодежи демонстрируют двойственный характер: это «декларативная эмиграция» (18–24 лет), где эмиграция чаще воспринимается как проект будущего, и «реализованная эмиграция» (25–34 лет), где ресурсы позволяют реализовать установку в миграционное поведение. Младшая группа демонстрирует высокий уровень декларативной готовности к эмиграции, тогда как старшая характеризуется меньшей частотой заявлений, но более высокой вероятностью реализации миграционных планов.

В целом эмиграционные установки и действия российской молодежи в

2020–2025 гг. демонстрируют сложную и неоднородную динамику соотношения установок и практик. В первый «пандемийный период» (2020–2021 гг.) фиксировался относительно высокий уровень потенциальных намерений при низкой реализации. В начальный период СВО (2022–2023 гг.) произошел резкий спад декларируемых установок и рост практической эмиграции (релокации). В 2024–2025 гг. установки на эмиграцию резко снизились, хотя миграция продолжает происходить в институционализированных формах. Избранный период 2020–2025 гг. сочетает переходные условия закрытых пространств (2021–2023 гг.), кризисного исхода (2022–2023 гг.) и структурной адаптации (2024–2025 гг.), что делает его уникальным феноменом в социальных исследованиях.

Список литературы

Верт Н. 2010. *Террор и беспорядок. Сталинизм как система*. М.: РОССПЭН. 444 с.

Инглхарт Р., Вельцель К. 2011. *Модернизация, культурные изменения и демократия*. М.: Новое издательство. 464 с.

Кудрявцева Т.В. 2008. «Жалоба на противозаконие» в демократических Афинах. — *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. № 3. С. 107–113.

Латова Н.В. 2021. Миграционные установки и предпочтения российских специалистов в контексте концепции человеческого капитала. — *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 4. С. 429–450.

Massey D.S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J.E. 1993. Theories of International Migration: A Review and Appraisal. — *Population and Development Review*. Vol. 19. Is. 3. P. 431–466.

Portes A. 1998. Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology. — *Annual Review of Sociology*. Vol. 24. P. 1–24.

Todaro M.P. 1969. A Model of Labor Migration and Urban Unemployment in Less Developed Countries. — *The American Economic Review*. Vol. 59. Is. 1. P. 138–148.

PARMA Roman Vasilievich, Cand.Sci. (Pol.Sci.), Associate Professor of the Chair of Political Science, Leading Researcher of the Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Ave, Moscow, Russia, 125993; ryparma@mail.ru)

EMIGRATION ATTITUDES AND ACTIONS OF RUSSIAN YOUTH IN 2020–2025

Abstract. Based on data from leading sociological centers and official statistical services the article analyzes the dynamics of emigration attitudes and behavior among Russian youth in 2020–2025. These dynamics are associated with key factors and emerging triggers for changes in youth migration strategies. The author distinguishes three stages during this period. In the first stage (2020–2021), the situation was determined by the pandemic, which led to a restriction of emigration actions and an increase in emigration intentions. In the second stage (2022–2023), the situation was determined by a special military operation, which led to a decline in emigration intentions and a surge in emigration actions by young people. In the third stage (2024–2025), the situation of open confrontation with the West led to a decrease in emigration intentions and actions to the minimum values for the period of sociological and statistical observations. Overall, cross-national studies show a relatively low level of emigration intentions among Russian citizens in these extraordinary conditions.

Keywords: youth, emigration, relocation, emigration attitudes, emigration actions, emigration behavior, emigration factors,

emigration motives, emigration dynamics

The article is prepared based on the results of research carried out using budgetary funds under a state assignment for the Financial University under the Government of the Russian Federation.

МУХАМЕТОВ Данияр Рустямович — кандидат политических наук, научный сотрудник Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга, старший преподаватель кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (125993, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-кт, 49/2; mukhametovdaniyar@gmail.com)

МЕТОДИКА ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ЭМИГРАЦИОННЫХ УСТАНОВОК МОЛОДЕЖИ ПО ЦИФРОВЫМ СЛЕДАМ

Аннотация. В статье предлагается методика прогнозирования эмиграционных установок молодежи по цифровым следам. Первоначально автор систематизирует основные методы прогнозирования, которые могут применяться для создания данной методики. Далее детализируется методика прогнозирования, основанная на статических моделях панельных данных (регрессионный анализ). Представленная методика позволяет выявить ключевые измерения информационных потоков, влияющих на эмиграционные установки молодежи, и сформировать сценарные прогнозы развития эмиграционных установок молодежи с использованием данных цифровых следов. Будущая задача – апробация методики на конкретных датасетах.

Ключевые слова: методы прогнозирования, регрессионный анализ, панельные данные, цифровые следы, информационные потоки, эмиграционные установки

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве РФ.

Введение и постановка проблемы. Среди основных задач современной молодежной политики особенно отмечается необходимость сохранения человеческого капитала молодежи в широком значении: это интеграция молодежи в рынок труда, вовлечение в процессы управления, использование молодежных инициатив в развитии коммерческих и общественных проектов, включение молодежи в волонтерское движение и др. Однако эффективная реализация данной задачи сталкивается с неопределенностью эмиграционного нарратива молодежи, который существует как в силу объективных причин, так и ввиду сетевой координации информационных кампаний на тему миграции и релокации. В этом контексте возникает проблема несоответствия между сложностью информационного поля на тему эмиграции и релокации, с одной стороны, и наличием моделей и инструментов управления факторами роста эмиграционных настроений, прежде всего молодежи, — с другой. В частности, отмечается, что молодежь является наиболее активным участником